

Но всё это словно не имело к нему отношения. Его веки медленно сомкнулись, и хаотичные образы людей исчезли из его поля зрения.

Юй Минлан погрузился в глубокий сон, но даже в этом состоянии ему не было покоя. Ему снился сон, в котором он был ещё ребёнком. Во сне он сидел за длинным обеденным столом в своём доме, окружённый роскошью. Перед ним на мягком детском стуле стояли изысканные блюда, а рядом стоял седовласый мужчина средних лет. Подняв глаза, он увидел, что на другом конце стола тоже сидел человек, но тот был так далеко, что разглядеть его лицо было невозможно. Видно было только, как тот ел с изящной неторопливостью.

Какое это было расстояние? Юй Минлан задумался. В его воспоминаниях это казалось неопределённым, словно его невозможно было преодолеть.

— Минлан.

Кто-то позвал его, голос был спокойным, но с ноткой нежности.

— Минлан.

Юй Минлан слабо открыл глаза, словно яркий свет бил ему в лицо, заставляя снова закрыть веки.

— У пациента слабеет пульс, действуйте быстрее!

— Срочно готовьтесь к реанимации!

На несколько секунд он пришёл в себя, но снова погрузился в забытие. Сцена снова была прежней: человек напротив, склонивший голову, тень скрывала его глаза. Юй Минлан знал, что это его отец.

— Минлан.

Снова позвал голос.

Картина заколебалась, еда на столе исчезла. Человек напротив сидел, скрестив руки, словно наблюдая за ним. Лицо, скрытое туманом, постепенно прояснилось. Юй Минлан понял, что это был не его отец, а он сам, молодой, в строгом костюме.

Но Юй Минлан оставался удивительно спокойным, даже не испытывая страха. Он видел, как «он сам» протянул руку к своему детскому «я» и произнёс:

— Минлан, у тебя есть только ты сам.

Он почувствовал лёгкое головокружение. Эти слова казались знакомыми, заставив его на мгновение задуматься. Кто-то говорил ему что-то подобное? Но он ничего не мог вспомнить.

Когда он очнулся, вокруг был холодный голубой свет. Он увидел яркий потолок, отражающий свет, и на нём — бледное лицо подростка, лежащего на больничной кровати. Он с трудом осознал, что это был он сам.

Юй Минлан чувствовал полное изнеможение. С трудом повернув голову, он увидел маленький столик слева, на котором стоял букет тюльпанов в прозрачной вазе. Повернувшись дальше, он встретился взглядом с Юй Чжэнъянем, сидящим на диване, опираясь головой на руки. Его глаза были красными.

Отец и сын молча смотрели друг на друга. Юй Минлан вдруг вспомнил, почему он оказался здесь: холодная игла, безумная музыка, разноцветные огни и та неизвестная жидкость. Спокойно повернув голову, он уткнулся лицом в подушку.

В ушах раздался голос дворецкого:

— Я позову врача.

Юй Чжэнъянь ответил:

— Хорошо.

В палате снова воцарилась тишина. Звук шагов по полу, «тук», «тук», стал особенно отчётливым в пустом помещении. Юй Чжэнъянь подошёл к кровати и посмотрел на лицо сына, наполовину скрытое одеялом. Видны были только глаза, закрытые длинными ресницами, как у его матери. Он вздохнул и сказал:

— Ты не хочешь объяснить?

Он знал, что Юй Минлан проснулся, но первое, что он сделал, — не спросил, как сын себя чувствует, а потребовал объяснений. Он хотел знать, действительно ли его гордость, его сын, поступил так, как он видел.

Юй Минлан молчал, слушая, что скажет отец. Юй Чжэнъянь ждал ответа, но молчание сына словно подтвердило его худшие опасения. Когда он снова заговорил, в его голосе звучало разочарование:

— Ты можешь развлекаться, но я всегда говорил тебе: знай меру. Есть вещи, которых нельзя

касаться, а ты коснулся.

Он посмотрел на бледное лицо сына и продолжил:

— Я занят, не могу постоянно тебя наставлять. Но то, чему я тебя учил, мои наставления, ты, похоже, не запомнил. Я хочу, чтобы ты стал выдающимся человеком, твоя мать тоже этого хотела. Но на этот раз ты сильно меня разочаровал.

Юй Минлан про себя подумал, что это не так. Не «стать выдающимся человеком», а «стать тем, кем ты хочешь, чтобы я стал».

В палате снова воцарилась тишина. Слова отца звучали с лёгким укором, не слишком строгим, но ощутимым.

— Возможно, отправить тебя за границу было моей самой большой ошибкой.

Он говорил это с ноткой сожаления, в голосе чувствовалась боль. Он снова сел на диван, закрыв лицо руками.

[Система]: Не переживайте, всё будет хорошо.

— Сэр, врач пришёл.

Дворецкий появился как раз вовремя, словно рассчитал момент. Или, возможно, он уже стоял у двери, ожидая подходящего времени.

Врач вошёл, его глаза за маской были спокойными и вежливыми. Он кивнул Юй Чжэньяню:

— Господин Юй.

После короткого обмена любезностями он подошёл к кровати Юй Минлана. Стетоскоп на его шее блестел под светом.

— Цвет лица неплохой.

Врач, казалось, улыбнулся, поднял рубашку Юй Минлана и приложил холодный стетоскоп к его груди. Холод заставил его сморщиться. Врач послушал, затем снял стетоскоп и аккуратно накрыл его одеялом.

Повернувшись к Юй Чжэньяню, он сказал:

— Ваш сын уже вне опасности. Проснулся — это главное. Сейчас он слаб, но после курса лечения всё будет в порядке. Нужно избежать возможных осложнений.

Юй Чжэнъянь ответил:

— Хорошо, спасибо, доктор.

Врач кивнул и вышел, закрыв за собой дверь. В палате снова стало тихо, только звук капельницы нарушал тишину.

Юй Минлан уткнулся лицом в одеяло, притворяясь спящим. Ему нечего было сказать отцу, всё сводилось к тому, что уже было сказано, и это вызывало у него раздражение.

Как только врач ушёл, дверь снова открылась с лёгким щелчком. Вошедший постучал и произнёс:

— Господин Юй.

Это был помощник Юй Чжэнъяня, Ван Сипин, работавший с его отцом уже почти десять лет. Юй Минлан сразу узнал его голос. Юй Чжэнъянь, вероятно, отложил множество дел, чтобы прилететь в Мельбурн к своему сыну.

Ван Сипин сказал:

— Сегодня днём в Китае назначено важное собрание, ваше присутствие необходимо.

Юй Чжэнъянь ответил устало:

— Отмените.

— Но... — помощник колебался, — это собрание крайне важно, оно связано с запуском нового продукта в следующем году. Его уже нельзя переносить. Ваш график плотный, и у акционеров тоже не так много времени.

В палате воцарилась тишина. Юй Чжэнъянь нахмурился, нервно потирая виски. Ван Сипин стоял рядом, спокойно ожидая ответа. Он не выглядел торопящимся, на его лице была вежливая улыбка. Он слишком хорошо знал своего босса: между сыном и бизнесом выбор будет сделан в пользу последнего. В конце концов, сын был рождён, чтобы унаследовать дело. Юй Чжэнъянь был человеком старой закалки, он хотел, чтобы его бизнес-империя передавалась из поколения в поколение.

И действительно, после непродолжительной паузы он поднял голову и спросил:

— Во сколько собрание?

Ван Сипин ответил:

— В три тридцать.

— Билеты?

— Уже забронированы.

Юй Минлан услышал, как Юй Чжэнъянь взял пальто, звук ткани резал ему слух. Хотя он и не питал больших иллюзий насчёт отца, в тот момент в его сердце всё же возникло чувство горечи. Ведь это был его отец, человек, связанный с ним кровными узами.

Юй Чжэнъянь подошёл к кровати и сказал:

— Я ухожу. Поправляйся.

<http://bllate.org/book/15288/1350660>